

Е.Д. Богатырева

РАЗГОВОР С МАШИНОЙ: К ФИЛОСОФИИ ГУГЛ-ПЕРЕВОДА

(Самарский университет)

В русском языке довольно часто можно встретить выражение «философия чего-то». Можно находить в этом наследие немецкого классического идеализма и связывать со стремлением философии охватить все области знания и создать новую образовательную систему, в которой философия представала бы как размышление, пригодное для частных дисциплин, но можно увидеть в подобном словоупотреблении и потенциал расширения самого исследовательского поля. Необходимость прояснять и переопределять основания такого расширения, за которым стоит, прежде всего, расширение самой жизненной практики, позволяет экстраполировать данную языковую конструкцию на новые прецеденты таковой. А они во многом связаны с коммуникациями в глобальной сети. В последнем номере альманаха «Чёрные дыры букв» [3, с.229-231] в рубрике, посвящённой проекту под говорящим названием #гугл_расширения_диалог_с_машиной, обращается внимание на одну из них, а именно на то, какую роль играет гугл-переводчик в нашей коммуникации и какой путь сообщения он открывает. Исследование ведётся на материале поэзии, в альманахе предъявлены только примеры моностиха, дальше проект уходит в сетевое пространство и расширяет как исходные примеры текстов (они могут быть уже разные по объёму), уточняя методы работы с ними, соответственно, накапливая новые наблюдения над трансформациями текста. Важно отметить, что характер трансляции результатов допускает как презентационный формат на конференции, так и предложение нового формата социального общения, когда в исследование включаются и другие акторы, которые могут встраиваться и в качестве комментаторов производимых действий, и выстраивать свои порядки опыта, и давать необходимые ссылки на подобного рода прецеденты (группа Галерея "Разговор с машиной" вКонтакте).

Попытаемся очертить границы проекта и сделать замечания для того, что условно можно назвать «философией гугл-перевода». Коротко о самом исследовании. В нём брались литературные тексты самых разных авторов, эпох и стилей, которые помещались в новые для себя условия прочтения и, в целом, актуализации. В исследовании использовались разные стратегии – делался перевод перевода с разных языков, когда текст прогонялся туда и обратно, что приводило порой к его полному выхолащиванию, либо, наоборот, каждый раз в переводе отталкивались от оригинала, наблюдая за конкретной трансформацией текста, либо стратегии чередовались. При этом формат исходного текста мог сохраняться, но мог и меняться. Отбор текстов, выборка языков, способ проведения через гугл-перевод, отбор результатов, - всё это принадлежало авторам проекта. Возвращая полученную «интерпретацию» в исходный язык, гугл-переводы выстраиваются в результирующий текст, который закрепляет резуль-

тат и по которому можно судить об эффекте расширения исходника, предъявляя на выходе всю ту сумму трансформаций, которые претерпел исходник, образуя «подстрочник» другого рода, обязанный симбиозу человека и машины.

Текст фиксировался на каждом этапе проекта и проявил поверхность какого-то невидимого языка, которая способна свободно расстраиваться и образовывать новые комплексы и ансамбли знаков. Метафора «расстройства» здесь могла бы быть включена и в определение такого гугл-языка, указывая на известные ограничения человеческого интеллекта, который как бы «сходит с ума» и передоверяет записи «память» о произведённых здесь операциях и «сумме технологий», позволяющих их сделать. Текст гугл-перевода есть сенсорная панель памяти искусственного интеллекта, где «центр управления» изменений, тем не менее, всё ещё остаётся по эту сторону экрана в лице человека, ведущего диалог с машиной и находящийся в этом смысле. Отличие лишь в том, что для записи используется более совершенный «процессор», нежели ручка или печатная машина, который позволяет планировать и иметь неизвестный результат, скрытый в технических программах и возможностях процессора, продуцирующий поэтический результат как обращение диалога человека и машины. В этом плане тэг «поэзия» включает в себя тестирование общей «языковой системы» гугл-переводчика, а оно может быть самое произвольное: и варварское, и ошибкой использования, и намерением, и, как видим, «просто так захотелось» здесь тоже играет роль и образует «зону протеста», или назовём её местом «художественного использования» ситуации.

Понятно, что, несмотря на «художественные задачи», полноценный литературный перевод не являлся задачей проекта, который имел в виду другие расширения и приложения. Границы проекта более связаны со всеми теми актуализациями языка, которые важны для быстрого взаимодействия приходящих в коммуникацию акторов, где гугл-переводчик выполняет функцию посредника. Поэты сфокусировались на тестировании другого языка, а оно в проекте шло со стороны русского языка и к нему возвращалось, так что «расширение подстрочника» позволяло находить результат лишь по отношению к нему. Именно в такой обратной проекции и комбинации взгляда гугл-перевод позволил обратить внимание на некоторые особенности языков, которые в нём участвовали, проясняя по ходу действия и сам исходник, тестируя его на предмет соответствия выдвигаемым задачам коммуникации. К примеру, сам этот проект предполагал результат и для поэтического высказывания, которое сегодня довольно широко работает с любыми языковыми расширениями и включениями.

Граница текста в гугле-перевода может определяться и во времени – завершение текста может быть связано и с окончанием действия перевода (перебором всех существующих в Google языков, либо выборкой самых интересных), и с «изведением» текста, когда языки, на которые можно ещё перевести, остаются, но нового текста (и значения) не возникает. В этом плане «язык» гугл-перевода объемлет собой как бы все стороны процесса, он, безусловно, включает те «множественные» национальные образования, которые в данном

проекте раскрываются как материал для построения ещё и новой знаковой системы – поэтического гугл-текста.

Собственной задачей философии гугл-перевода здесь и является, прежде всего, прояснение оснований проекта такой находки поэтического, связанного с производимым тестированием языка и системы гугл-перевода. Данный проект, который имеет дело с новым симбиозом человека и машины, безусловно, подключает к себе самые разные поля исследований. Он предлагает уточнить положения и выдвинуть новые задачи тех философских исследований, которые посвящены переводу и «анализируют перевод с точки зрения философской герменевтики (теории понимания и интерпретации), теории познания (часто – теории отражения), философии коммуникации и т. п.», а также «привлекают в себя материал психологии, психолингвистики, семиологии, культурологии и т. д.» [2, с.14].

Обращение внимания исследователя на все те нарушения и включения инородного для исходного языка-текста интересно не только тем, что они становятся основой для моделирования новых веток коммуникаций и трансформаций системы. Система гугл-перевода предстаёт как структура, которая предполагает техническую упорядоченность и внутреннюю связанность системы, но ещё и как форма обращения письма, которая отвечает новому симбиозу человеческого и искусственного интеллекта. В самом действии обращения гугл-текстом «язык» перевода реализуется не только в своей инструментальной функции, он нечто большее, нежели система значений, его задача состоит в том, чтобы произвести какое-то расстройство смысла и в то же время указать на его связь с тем, из чего он более не выводится. Так что проект поэтического гугл-перевода интересен и как возобновление вопроса об основаниях языка, и как попытка заместить универсальный язык, функцию которого гугл-перевод выполняет, реализуя надежду многих лингвистов изобрести язык межнационального общения, втягивая пользователя в глобальную матрицу взаимодействия. Гугл-переводческая практика делает ещё и очевидной манифестацию языка как того опосредования, которое позволяет соединять мысль и культуру, отчасти позволяя преодолеть эпистемологическую наивность актора глобальной Сети. Выявляя потенциал познания гугл-перевода в социальной и культурной сфере, сосредоточив внимание на «проблеме языковых средств формирования мысли» [1, с.7], философия открывает возможности для того, чтобы выработать новые категории и понятия, способные постичь и описать, как функционирует мир, который открывают новые технологии.

Литература

1. Автономова, Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка / Н. С. Автономова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. - 704 с.
2. Тетельбаум Е.С. Философия перевода: попытка построения чистой теории. //Известия Уральского государственного университета. - 2007. - №48, вып. 2. – С. 13-21.

3. ЧЁРНЫЕ ДЫРЫ БУКВ. Альманах творческой лаборатории «Территория диалога». Выпуск 7. Редактор и составитель Е.Д. Богатырева — Самара: ООО «КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО», 2017. — 236 с.

Ю.В. Гатен

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ АНТРОПОМОРФНЫХ РОБОТОВ

(Самарский университет)

Одним из актуальных вопросов робототехники является изучение восприятия антропоморфных роботов человеком с целью создания психологических совместимых с людьми роботов, способных органически вписываться в окружающую среду и социум.

Использование принципа антропоморфности при создании робототехнических систем выражается в аналогичных человеку роботизированных частях тела: пальцы, кисть, манипулятор (локтевые и плечевые части, плечевой пояс), “ноги” (средства передвижения), “голова” (система зрения и слуха), “мозг” (управляющая система).

Антропоморфных многофункциональных роботов принято подразделять на андроидов и гуманоидов.

Роботы - андроиды отличаются высокой степенью внешнего сходства с человеком, включая имитацию кожи, волосяного покрова, наличие зубов, глаз и т.д. Некоторые из них выглядят настолько реалистично, что понять, живой перед вами человек или нет, можно только с близкого расстояния. Например, робот София, созданная гонконгской компанией Hanson Robotics, андроиды Repliee Q1 и Repliee Q2, разработанные Осакским университетом.

Роботы – гуманоиды только отчасти напоминают человека. Они имеют аналогичные пропорции, чаще «голову», возможно «руки», реже «ноги». Такой робот не обязательно является «ходящим», он может быть стационарным или мобильным (колесным или гусеничным).

С одной стороны, исследователи говорят о предпочтительности принципа антропоморфизма в дизайне интерфейса робота, так как такой интерфейс является для людей естественным и ожидаемым при социальном взаимодействии. Схожие с человеком пропорции позволяют антропоморфным роботам легко встраиваться в существующее пространство, которое создается с учетом особенностей и размеров человеческого тела [1].

С другой стороны, схожесть робота с человеком может привести к эффекту «зловещей долины». В 1970 году, исследуя эмоциональную реакцию человека на внешний вид роботов, японский ученый Масахиро Мори (Masahiro Mori) установил следующую закономерность: по мере приобретения роботом человеческих черт увеличивается и симпатия к нему, однако максимальное сходство с человеком вызывает тревогу, отвращение и страх.